Гюи Де Мопассанъ

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВАЛЬТЕРА ШНАФФСА

ЦѢНА 10 СЕНТОВЪ.

Рабочее Книгоиздательство
1916 г.

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINOKOUROFF

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINOKOUROFF

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВАЛЬТЕРА ШНАФФСА.

Съ самаго своего вступленія во Францію съ непріятельской арміей Вальтеръ Шнаффсъ считалъ себя за несчастнѣйшаго изъ смертныхъ. Онъ былъ толстъ, съ трудомъ двигался. сильно пыхтѣлъ и чувствовалъ ужасную боль въ ногахъ, очень плоскихъ и жирныхъ. Къ тому же, онъ былъ миролюбивъ, благожелателенъ, не кровожаденъ, имѣлъ четырехъ дѣтей, обожаемыхъ имъ, и жену, молодую блондинку, о чьихъ ласкахъ, мелкихъ заботахъ и поцѣлуяхъ онъ каждый вечеръ отчаянно тосковалъ. Онъ любилъ вставать поздно, а ложился рано, не спѣша, вкусно поѣсть и посидѣть въ пивной. Сверхъ того, онъ думалъ, что все пріятное, что есть на свѣтѣ, исчезаетъ съ жизнью, и таилъ въ сердцѣ своемъ чрезвычайную, ин-

стиктивную и въ то же время сознательную ненависть къ пушкамъ, ружьямъ, револьверамъ, саблямъ, но особливо къ штыкамъ, чувствуя себя совершенно неспособнымъ дѣйствовать этимъ оружіемъ, чтобы защищать свой огромный животъ.

И, когда съ наступленіемъ ночи онъ укладывался возлѣ своихъ храпѣвшихъ товарищей спать, завернувшись въ свой плащь, прямо на землѣ, онъ думалъ о своихъ покинутыхъ близкихъ и объ разсѣянныхъ на его пути опасностяхъ. Если убьютъ его, что станется съ его малютками? Кто будетъ ихъ кормить и воспитывать? Какъ разъ теперь они въ нуждѣ, несмотря на долги, сдѣланные имъ передъ уходомъ. И вальтеръ Шнаффсъ иногда плакалъ.

При началѣ сраженій онъ чувствовалъ въ ногахъ такую слабость, что упалъ бы, если бы не мысль, что вся армія пойдетъ по его тѣлу. При свистцѣ пуль волосы у него становились дыбомъ .

Такъ онъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ страхѣ и томленіи.

Его армейскій корпусъ двигался по направленію къ Нормандіи. Однажды он былъ посланъ на развѣдки съ небольшимъ отрядомъ затѣмъ, чтобы изслѣдовать часть мѣст-

ности и затѣмъ вернуться. Вокругъ казалось все спокойнымъ; ничто не указывало на подготовляемое сопротивленіе.

Пруссаки безмятежно спускались въ маленькую долину, перерѣзанную глубокими оврагами, какъ вдругъ сильная ружейная трескотня остановила ихъ, уложивъ на мѣстѣ десятка два; отрядъ французскихъ стрѣлковъ выскочилъ изъ лѣсочка величиною въ ладонь и ринулся впередъ, въ штыки.

Сначала Вальтеръ Шнаффсъ стоялъ не подвижно, столь изумившись и растерявшись, что не подумалъ даже о томъ, чтобы бѣжать.

Потомъ его охватило безумное желаніе удрать, но тутъ онъ вспомнилъ, что бѣгаетъ какъ черепаха, въ сравненіи съ худыми Французами, приближавшимися къ припрыжку, подобно стаду козъ. Тогда, замѣтивъ въ шести шагахъ отъ себя широкій оврагъ, весь въ низкомъ кустарникѣ, покрытом сухими листями, онъ прыгнулъ туда обѣими ногами, не подумавъ даже о глубинѣ, какъ прыгаютъ съ моста въ рѣку.

Онъ пронесся, какъ стрѣла, чрезъ гущу вьющихся растеній и колючекъ, разодравшихъ ему лицо и руки, и упалъ, тяжело хлопнувшись, на каменистое ложе.

Поднявъ вслѣдъ затѣмъ глаза, онъ увидѣлъ небо черезъ пробитое имъ отвертіе. Это отверстіе могло выдать его, и онъ со всяческими предостереженіями поползъ на четвереньках по дну этой выбоины, подъ крышей переплетающихся вѣтвей, двигаясь насколько возможно быстро, подальше отъ мѣста битвы. Потомъ онъ остановился и снова сѣлъ притаившись, какъ заяцъ, въ высокой сухой травѣ.

Въ продолженіи нѣкотораго времени онъ слышалъ выстрѣлы, крики и стоны. Потомъ шумъ битвы ослабѣлъ, затихъ. Вокругъ снова стало нѣмо и спокойно.

Вдругъ что-то шелохнулось вблизи него. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный. Это была маленькая птичка, которая, помѣстившись на вѣткѣ, шуршала сухими листьями. Однако, сердце Вольтера Шнаффса бѣшено колотилось чуть не цѣлый часъ.

Настала ночь, наполнивъ мракомъ оврагъ. И солдатъ сталъ размышлять, что теперь станется съ нимъ? Что ему дѣлать? Догонять ли армію? Но какъ? Какимъ путемъ? И зачѣмъ? Чтобы снова начать жизнь, полную томленія, страховъ, усталости и страданій, какую онъ велъ съ самаго начала войны? Нѣтъ! Онъ не чувствуетъ въ

себѣ болѣе этой смѣлости. У него нѣтъ болѣе энергіи переносить походы и ежеминутно перебрегать опасностями.

Да, но что же иначе дѣлать? Не можетъ же онъ оставаться въ этомъ оврагѣ, скрываться въ немъ до конца непріятельскихъ дѣйствій! Нѣтъ, конечно. Если бы можно было не ѣсть, то эта перспектива не слишкомъ сразила бы его; но ѣсть надо, ѣсть каждый день!

Совсѣмъ одинъ, при оружіи, въ полной формѣ, вдали отъ тѣхъ, кто могъ защищать его, очутился онъ. Морозъ подиралъ его по кожѣ.

Внезапно его озарила мысль: «Ахъ, если бы попасть въ плѣнъ»! И сердце его дрогнуло отъ удовольствія, великаго, безмѣрнаго удовольствія, быть французскимъ плѣнникомъ. Онъ оказался бы въ безопасности, всегда накормленъ, помѣщенъ въ защищенное отъ всякихъ пуль и сабель мѣсто, въ хорошую, отлично охраняемую тюрьму, гдѣ онъ не вѣдалъ бы никакого страха. — Плѣнникъ! Какая сладкая мечта!

И тотчасъ же было принято рѣшеніе:

— Пойду и сдамся.

Онъ поднялся, рѣшивъ исполнить свое

намѣреніе, не медля ни минуты. Но, внезапно охваченный новыми ужасными мыслями, снова окаменѣлъ.

Куда итти сдаваться? Какъ? въ какую сторону? И ужасные образы, ужасъ смерти, поднялся въ его душѣ.

Однако, онъ подвергнется большимъ опасностямъ, если пустится по полямъ въ своей острой каскѣ. Что, если онъ встрѣтитъ крестьянъ? Они, увидя заблудившагося пруссака, беззащитнаго пруссака, убьютъ его, какъ бродящую собаку! Они заколотятъ его своими вилами, кирками, косами и лопатами! Они со всѣмъ ожесточеніемъ отчаявшихся побѣжденныхъ сдѣлаютъ изъ него кашу, мѣсиво.

Если онъ встрѣтитъ французскихъ стрѣлковъ, эти бѣшенные люди, не знающіе ни закона, ни дисциплины, разстрѣляютъ его ради одной забавы, ради препровожденія времени, ради того, чтобы посмѣяться, разсматривая его голову. И онъ воображалъ уже себя прислоненнымъ къ стѣнѣ, передъ двѣнадцатью ружейными стволами, маленькими круглыми черными дырочками, точно смотрящими на него.

Если онъ встрѣтитъ даже французскую

армію, то авангардъ приметъ его за развѣдчика, за смѣлаго, хитраго, опытнаго солдата, одиноко отправляющагося на рекогносцировку, — и по немъ начнутъ стрѣлять. Онъ слышалъ уже перебивающіе другъ друга выстрѣлы солдатъ, залегшихъ въ кустарникъ, онъ, казалось, уже стоялъ среди поля и присѣдалъ, пронизиваемый пулями; онъ уже ощущалъ ихъ въ своемъ тѣлѣ.

Въ отчаяніи онъ снова сѣлъ. Положеніе его показалось ему безвыходнымъ.

Наступила глубокая ночь, ночь нѣмая и темная. Онъ не шевелился, только вздрагивалъ при каждомъ непонятномъ и легкомъ шорохѣ, раздававшемся въ темнотѣ. Кроликъ, постукивая задомъ о край своей норки, чуть было не обратилъ въ бѣгство Вальтера Шнаффса. Крики совъ разрывали ему душу, пронзали ее страхами, болѣзненными, какъ раны. Онъ таращилъ свои опухшіе глаза, вглядываясь въ темноту; ему поминутно казалось, что онъ слышитъ, какъ кто-то ходитъ около него.

Послѣ безконечно долгихъ, мучительныхъ томленій онъ замѣтилъ сквозь свой лиственный потолокъ небо, которое свѣтлѣло. Тогда онъ совершенно успокоился; чле-

ны его расправились, сердце стало биться спокойнѣе, глаза закрылись. Онъ заснулъ.

Когда онъ проснулся, солнце, какъ ему показалось, стояло почти по серединѣ неба; должно быть, былъ полдень. Ни единый звукъ не нарушилъ жуткаго покоя полей; и Вальтеръ Шнаффсъ почувствовалъ, что его мучитъ острый голодъ.

Онъ зѣвалъ, и слюни текли у него при мысли о солдатскихъ сосискахъ; въ желудкѣ была боль.

Онъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, почувствовалъ слабость въ ногахъ и опять сѣлъ, чтобы поразмыслить. Въ теченіе двухъ или трехъ часовъ размышлялъ онъ и такъ, и сякъ, каждый моментъ мѣняя рѣшеніе, сбиваемый съ толку самыми противорѣчивыми доводами.

Наконецъ, одна мысль показалась ему логичной и практической; это—подстеречь идущаго одиноко, безъ оружія и безъ опасныхъ земледѣльческихъ орудій крестянина, побѣжать ему навстрѣчу и дать ему понять, что онъ сдается.

Онъ снялъ свою каску, остріе которой могло его выдать, и высунулъ со всяческими предосторожностями голову изъ ямы.

На горизонтѣ никого не было. Направо надъ крышами небольшого селенія, подымался кухонный дымъ. Налѣво, за деревями, въ концѣ аллеи Вальтеръ Шнаффсъ увидѣлъ большой замокъ съ башнями.

Онъ прождалъ до вечера, мучительно страдая отъ голода, ничего не видя, кромѣ летающихъ воронъ, ничего не слыша, кромѣ глухихъ жалобъ своего желудка.

И еще разъ опустилась на него ночь.

Онъ вытянулся на днѣ своего убѣжища и заснулъ лихорадочнымъ сномъ, полнымъ кошмарныхъ видѣній, сномъ голоднаго человѣка. Потомъ еще разъ занялась надъ его головой заря. Онъ опять принялся за свои наблюденія. Но кругомъ было пусто, какъ наканунѣ, и новый страхъ закрался въ душу Шнаффса—страхъ голодной смерти. Онъ уже видѣлъ себя на днѣ своей ямы, лежащимъ на спинѣ, съ закрытыми глазами. Звѣрьки, маленькіе звѣрьки всѣхъ видовъ окружали его трупъ и начинали пожирать его, накидываться на него со всѣхъ сторонъ и рвать одежду, чтобы добраться до его холодной кожи. А огромный воронъ выклевывалъ ему глаза своимъ длиннымъ клювомъ.

Онъ чуть не сошелъ съ ума, вообразивъ, что онъ лишается чуствъ и не будетъ въ со-

стоянiи двинуться съ мѣста, и уже приготовился встать, итти по направленiю къ деревнѣ, отважиться на все, пренебречь страхомъ, —какъ вдругъ замѣтилъ трехъ крестьянъ, уходившихъ съ поля съ вилами на плечахъ, —и опять нырнулъ въ свой тайникъ.

Но какъ только равнина снова потемнѣла, онъ тихонько вышелъ изъ оврага и, съежившись, съ боющимся сердцемъ, пустился къ далекому замку, предпочитая лучше войти туда, чѣмъ въ деревню, казавшуюся ему ужасной, логовищемъ тигровъ.

Окна въ нижнемъ этажѣ были освѣщены. Одно было даже разкрыто; и сильный запахъ варенаго мяса доносился оттуда, запахъ, внезапно ударившiй въ носъ, проникшiй до глубины желудка Вольтера Шнаффса; онъ потрясъ его, заставилъ задыхаться, непреодолимо притягивалъ его къ себѣ и пробудилъ въ сердцѣ отчаянную отвагу.

Неожиданно для самого себя, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствiяхъ, онъ, съ каской на головѣ, появился въ окнѣ.

Восемь слугъ ужинали, сидя за большимъ столомъ. Вдругъ одна служанка, выпучивъ глаза, разинувъ ротъ отъ изумленiя, уронила свой стаканъ. Всѣ взгляды направились туда же, куда и она глядѣла.

Увидѣли непріятеля.

Боже, врагъ! Пруссаки аттаковали замокъ!..... .

Прежде всего раздался крикъ, одинъ крикъ, слитый изъ восьми криковъ, исторгнутыхъ восемью разными глотками, крикъ ужаса; потомъ шумъ, суматоха, сшибаніе съ ногъ другъ друга: растерявшись, всѣ бросились къ внутренней двери. Стулья падали, мужчины опрокидывали женщинъ, наступая на нихъ. Въ двѣ секунды комната и накрытый столъ оказались пустыми передъ изумленнымъ Вольторомъ Шнаффсомъ, продолжавшимъ стоять въ окнѣ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, онъ перешагнулъ черезъ подоконникъ и подошелъ къ тарелкамъ. Отъ нестерпимаго голода его била лихорадка; но какой-то ужасъ еще удерживалъ, парализовалъ его. Онъ прислушивался. Весь домъ дрожалъ; двери запирались, быстрые шаги раздавались надъ его головой. Встревоженный пруссакъ насторожился, прислушиваясь къ этимъ неяснымъ шумамъ. Потомъ онъ услышалъ глухіе звуки, какъ будто тѣла падали на мягкую землю у стѣны, человѣческія тѣла, прыгающія изъ верхняго этажа.

Потомъ все стихло — и огромный замокъ сталъ безмолвенъ, какъ могила.

Вальтеръ Шнаффсъ сѣлъ предъ тарелкою, оставшейся нетронутой, и принялся ѣсть. Онъ глоталъ большіе куски, точно боялся быть оторваннымъ отъ пищи слишкомъ рано, не насытить, какъ слѣдуетъ. Онъ обѣими руками клалъ куски въ открытый ротъ, похожій на люкъ, и они, одинъ съ другимъ, спускались въ желудокъ, раздувая по пути горло. Иногда онъ останавливался, готовый лопнуть, какъ слишкомъ переполненная труба. Тогда онъ бралъ кувшинъ сидра и прочищалъ пищеводъ, какъ промываютъ заткнувшуюся трубу.

Онъ опустошилъ всѣ тарелки, всѣ блюда и всѣ бутылки; потомъ, пересыщенный питьемъ и ѣдой, оскотинѣвшій, красный, потрясаемый икотой, съ помутившимся разсудкомъ и жирнымъ ртомъ, разстегнулъ свой мундиръ, чтобы хоть вздохнуть, будучи не въ состояніи сдѣлать ни шагу. Глаза его закрылись, мысли отупѣли; онъ откнулъ свое налитое лицо въ скрещенныя на столѣ руки и сталъ понемногу терять сознаніе.

Послѣдняя четверть луны неясно освѣщала горизонтъ надъ деревьями парка. Это былъ тотъ холодный часъ, что предшеству-

етъ дню. Многочисленныя и нѣмыя тѣни скользили по чащѣ; иногда лунный свѣтъ заставлялъ белестѣть въ темнотѣ стальное остріе. Мирный замокъ возносилъ къ небу свой огромный, темный силуэтъ. Только два окна въ нижнемъ этажѣ были освѣщены.

Вдругъ громовый голосъ заревѣлъ:

— Впередъ! На приступъ, ребята!

И дверь, ставни и стекла—все затрещало подъ напоромъ людей, кинувшихся разбивать, разрывать все, что попалось подъ руку, и наводнившихъ домъ. Пятьдесять вооруженныхъ съ ногъ до головы солдатъ вскочили въ кухню, гдѣ мирно отдыхалъ Вальтеръ Шнаффсъ и, приставивъ къ его груди 50 заряженныхъ ружей, схватили его, повалили, перевернули и связали по рукамъ и ногамъ.

Ошеломленный, онъ задыхался, слишкомъ оскотинѣвшій, чтобы понять что-нибудь, избитый, истоптанный и обезумѣвшій.

И вдругъ толстый военный, весь въ золотѣ, поставивъ ногу на животъ Вольтера Шнаффса, завопилъ:

— Вы мой плѣнникъ, сдавайтесь!

Пруссакъ понялъ лишь одно слово: «Плѣнникъ» и застоналъ: «Ія, ія, ія».

Его подняли, привязали къ столу. По-

бѣдители разглядывали его съ живѣйшимъ любопытствомъ, дыша точно киты. Многіе сѣдили, не будучи въ состояніи двигаться болѣе отъ волненія и усталости.

А онъ улыбался, улыбался: наконецъ то, сталъ онъ плѣнникомъ!

Вошелъ другой офицеръ и произнесъ:

— Полковникъ, враги обратились въ бѣгство; многіе, кажется, ранены. Мы остаемся господами положенія.

Толстякъ, вытиравшій лицо платкомъ, завопилъ: «побѣда»!

И записалъ въ маленькую книжечку, вынутую изъ кармана:

«Послѣ ожесточенной битвы пруссаки были отбиты и принужденны отступить, уносяся своихъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ насчитывается до 50 человѣкъ. Многіе остались въ нашихъ рукахъ».

Молодой офицеръ продолжалъ:

— Какія будутъ ваши распоряженія, полковникъ?

Полковникъ отвѣтилъ:

— Мы отступимъ, чтобы избѣжать хитраго нападенія со стороны артиллеріи и силъ, превышающихъ наши.

И отдалъ приказъ выступать.

Колонна выстроилась въ темнотѣ подъ

стѣной замка и пустилась въ путь, окружая со всѣхъ сторонъ Вальтера Шнаффса, связаннаго, охраняемаго шестью воинами съ револьверами въ рукахъ.

Чтобы изслѣдовать дорогу, были посланы развѣдчики. Подвигались съ осторожностью, по временамъ отдыхали.

На разсвѣтѣ прибыли въ субъ-префектуру Ла-Рошъ-Уазеля, національная гвардія котораго и взяла въ плѣнъ В. Шнаффса.

Раздраженное населеніе въ тоскѣ ожидало ее. Когда замѣтили каску плѣнника, раздались отчаянные крики. Женщины поднимали руки, старухи плакали. Какой-то старецъ швырнулъ свой костиль и поранилъ носъ одному изъ сопровождавшихъ плѣнника. Полковникъ ревѣлъ:

— Позаботьтесь о безопасности плѣнника!

Наконецъ, подошли къ ратущѣ. Отперли тюрьму и Вальтера Шнаффса втолкнули туда, освободивъ отъ веревокъ. Двѣ сотни вооруженыхъ людей встали на стражу кругомъ зданія. Тогда несмотря на симптомы не сваренія желудка, которые его мучили уже нѣсколько времени, пруссакъ, обезумѣвъ отъ

радости, пустился на плясъ, плясалъ безъ памяти, поднимая ноги, руки, и испускалъ неистовые крики до тѣхъ поръ, пока не упалъ въ изнеможеніи у стѣны.

Онъ плѣнникъ, онъ спасенъ!

Вотъ такимъ образомъ былъ отбитъ у врага замокъ Шампины послѣ шестичасового сопротивленія.

Полковникъ Ратье, суконщикъ,, тотъ, что отбилъ его во главѣ національныхъ гвардійцевъ Ла-Рошъ-Уазеля, былъ награжденъ орденомъ.

Конецъ.

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINOKOUROFF